

ПОЛИТИКА

А.Ю.Мельвиль, И.Н.Тимофеев
**2020: РОССИЙСКИЕ
 АЛЬТЕРНАТИВЫ REVISITED**

Ключевые слова: Россия, будущее, прогнозирование, сценарии, фокус-группы, точки бифуркации, развитие, нелинейная динамика

**Сценарный
 подход
 к исследованию
 будущего**

Альтернативность будущего — одна из важных посылок эффективного политического анализа и планирования. Политическому аналитику важно понять и уметь предвидеть неизбежные неопределенности развития, наличие альтернатив избранным планам и стратегиям и, следовательно, потенциальные незапланированные результаты. Разрабатывая ориентированные в будущее стратегии и определяя тактические варианты действий, нельзя ограничиваться лишь линейным, векторным целеполаганием, нужно зафиксировать возможные точки бифуркации, когда развитие может пойти по различным, не предусмотренным в поставленной целевой задаче направлениям. Сценарный подход позволяет выделить набор вариантов, охватывающих широкий спектр возможных альтернатив развития¹. В политическом анализе сценарные разработки используются в первую очередь для выявления *предельных альтернатив развития*, ни одна из которых ни при каком стечении обстоятельств не будет реализована полностью, но которые в совокупности дают набор «крайних» вариантов, идеальных образов возможных траекторий².

¹ См. Капица, Курдюмов, Малинецкий 2001; Ахременко 2004; Бородкин 2005; Hejden 1996; Lindgren, Bandhold 2003; Ogilvy 2003; Richards 2003 и др.

² См. Каспэ 2002; Качинс, Трениш 2004; Россия 2005; Сатаров, Благовещенский Ю., Благовещенский Н. 2005; Norelick 1991; Yergin, Gustafson 1995; Global Trends 2000, 2008; Yeer 2005; China 2009 и др.

У прогнозов и сценариев много общего. И те и другие суть приемы изучения будущих состояний сложных систем на основе тенденций и альтернатив, видимых в настоящем. Прогнозы и сценарии учитывают опыт прошлого, исходят из неопределенности и вариативности будущего, а задаваемые ими коридоры возможных событий носят вероятностный характер. Будучи научными методами, они требуют прозрачных и более или менее обоснованных процедур, на основе которых делаются выводы о возможном состоянии будущего. Как прогнозы, так и сценарии различаются по глубине проникновения в будущее. В зависимости от целей исследования они могут быть краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными. Степень их надежности понижается по мере увеличения временного горизонта. И прогнозы, и сценарии опираются на причинно-следственное, каузальное мышление. Иными словами, построение прогнозов и сценариев предполагает изучение взаимосвязей между нынешними явлениями и процессами и проецирование их в будущее.

Вместе с тем во многих значимых отношениях сценарий отличается от прогноза. В основе сценарного подхода лежит представление о

недостаточности (а часто и невозможности) прямой экстраполяции сегодняшней ситуации, о наличии альтернатив в развитии, о возможности повлиять на выбор того или иного варианта будущего. Его ценность не в прогнозировании «единственного», с точки зрения той или иной избранной стратегии, будущего, а в очерчивании спектра «пределных» альтернатив, которые противостоят поставленной цели. Эти альтернативы почти наверняка не будут реализованы в том «пределном» виде, в каком описаны в сценариях. Но они фокусируют внимание на множественности реально существующих и так или иначе проявляющих себя трендов. Более того, альтернативные образы будущего — один из способов под новым углом всмотреться в настоящее. Хорошо проработанные сценарии — это не абстрактно-умозрительные и произвольно построенные «фантазии о будущем», а обоснованные *коридоры возможностей* для стратегий, осуществляемых политическими лидерами уже сегодня.

В прогнозировании доминирует, если угодно, «эксплоративная» составляющая, направленная на исследование будущего как такового, независимо от его желательности или нежелательности. В свою очередь, сценарный подход *нормативен*, то есть предполагает желательность и нежелательность того или иного будущего. Иными словами, вопрос о будущем в прогнозе связан с логически непротиворечивой и методологически обоснованной картиной реализации тех тенденций, которые мы наблюдаем сегодня. В сценариях же делается попытка понять, какие возможности в плане достижения желаемого будущего или, наоборот, недопущения будущего нежелательного открывают наблюдаемые сегодня тренды. Сценарные представления о вариантах будущего приобретают характер нормативного выбора.

Сценарный подход имеет ярко выраженную субъектную (и субъективную) ориентацию, то есть спектр задаваемых возможностей здесь определяется не только объективными трендами, но и действиями акторов. Прогноз (погоды, демографической динамики, изменения курса валют, электоральных предпочтений и пр.) фиксирует ожидаемое в будущем состояние, исходя в основном из объективных факторов. Сценарии, напротив, изначально альтернативны и субъективны, ориентированы на действия участников событий. Они представляют собой развернутые варианты стратегий, направленных на достижение тех или иных результатов. В них изначально заложена ориентация на изменение условий, а не приспособление к ним.

В силу того что сценарии носят характер нормативной установки, при их разработке решающее значение имеют не количественные, а качественные методы. Количественные показатели играют здесь скорее вспомогательную роль. С одной стороны, это расширяет спектр альтернатив воображаемого будущего, с другой — предъявляет строгие требования к интерпретации данных и построению умозаключений. При этом, разумеется, сценарные и прогнозные подходы не являются взаимоисключающими, они ориентированы на специфические задачи и

функции. Поэтому и вопрос: «что лучше» — прогноз или сценарий? — надуманный. Прогнозные разработки могут предварять сценарное исследование, равно как и уточнять возможные исходы тех или иных событий и тенденций в контексте построенных сценариев.

Набор разрабатываемых сценариев обычно определяется теми смысловыми узлами, которые, по мнению разработчиков, задают осмысленные альтернативы будущего. В самом предельном выражении такие узлы представляют собой бинарные оппозиции, нередко — оптимистические или пессимистические варианты развития (скажем, демократия — авторитаризм, интеграция — распад, рост — падение, сотрудничество — конфликт, прогресс — регресс, устойчивость — неустойчивость и т.п.). В каком-то смысле, по крайней мере на начальных этапах исследования, такая бинарность может быть оправданной, поскольку сценарии требуют смыслообразующего ядра в качестве предпосылки их внутренней целостности.

Но сведение спектра возможных альтернатив к двум сценариям в логике бинарной оппозиции ограничивает исследовательский поиск. Добавление третьего сценария как промежуточного между первым и вторым решает эту проблему лишь частично. Помимо того что промежуточный сценарий может оказаться эвристически наименее ценным, он не выходит за рамки логики противопоставления двух оппозиций. Между тем нелинейный, слабо предсказуемый характер динамики социальных процессов может сделать используемую оппозицию неактуальной.

Избежать этой угрозы позволяет введение третьего (или, если таковой используется в качестве срединного варианта, четвертого) сценария, представляющего развитие событий вне логики принятых альтернатив. Часто он бывает в наименьшей степени связан с настоящим либо отражает крайне маловероятный с точки зрения настоящего исход. Например, в сценариях конкуренции за топливные ресурсы это может быть альтернатива появления новых, ранее неизвестных видов топлива, которые заменяют те виды, вокруг которых выстраивается базовая оппозиция.

В то же время исследование не должно содержать в себе слишком большого числа подобных альтернатив. Во-первых, целостное восприятие более чем четырех (в крайнем случае — пяти) возможных сценариев сопряжено с немалыми психологическими трудностями. Во-вторых, множественность непредсказуемых альтернатив размывает структуру сценариев как таковую.

Альтернативность будущего и его описание в терминах нескольких сценариев тесно связаны с понятием *точки бифуркации*. В этой точке рассматриваемый объект (система) достигает такого состояния, когда он уже не может существовать в прежнем виде, а значит, его параметры и характер динамики должны претерпеть качественные изменения. Однако вектор этих изменений не предопределен: они могут пойти

по разным, иногда взаимоисключающим направлениям, что и дает основания для построения альтернативных сценариев.

Для иллюстрации понятия бифуркации рассмотрим прямоугольную колонну, на которую сверху действует увеличивающаяся нагрузка. До определенного момента колонна остается ровной. Однако при превышении критической нагрузки у нее появляется прогиб. Мы не можем заранее сказать, прогнется колонна вправо или влево. В точке бифуркации вместо одного устойчивого положения (колонна без прогиба) возможен переход к двум устойчивым состояниям (колонна с прогибом вправо или влево). Кроме того, при достижении критической массы нагрузки колонна может прогнуться от самого незначительного воздействия. Иными словами, на выбор в точке бифуркации может повлиять малая, иногда случайная причина, или *флуктуация*³.

В любой точке бифуркации социальных систем потенциально возможен выбор того или иного пути развития. Этот выбор может быть более или менее корректно отрешфлексирован, осознан экспертами и лицами, принимающими решения. Их влияние на траекторию изменений тем выше, чем точнее сформулировано представление о движущих силах изменений, а также о малых воздействиях, которые могут развернуть динамику системы в ту или иную сторону. Вместе с тем как в рефлексии, так и в принимаемых решениях заложена вероятность ошибки и непредсказуемых последствий.

Точки бифуркации, как правило, непродолжительны: применительно к крупным социально-политическим сдвигам они не превышают нескольких лет. Даже при радикальных социально-политических трансформациях «окна возможностей» для выбора альтернативных траекторий со временем закрываются, после чего может вновь возобладать движение по «привычной колее» (в духе *path dependence*). Если же выбор осуществлен, процесс изменений может пойти по устойчивой или неустойчивой «ветке». Важной составляющей теории бифуркации является положение о том, что неустойчивая ветвь развития способна сохранять влияние на систему даже после нескольких бифуркаций — латентно она остается в структуре системы и может проявиться в новых состояниях нестабильности.

В качестве «драйверов» (движущих сил) сценариев выступают факторы (независимые переменные), обладающие наиболее высоким потенциалом в определении динамики системы⁴. Выявление «драйверов», то есть независимых переменных, влияющих на развитие той или иной ситуации, — один из главных элементов построения сценариев. В зависимости от конкретного объекта сценарирования такими независимыми переменными могут быть те или иные политические и экономические факторы, демографические и социокультурные детерминанты, технологические инновации, социальные расколы, стратегический выбор элит и др. Следует подчеркнуть, что их воздействие, как правило, приводит к качественным изменениям лишь тогда, когда носит

³ Малинецкий 2002; Капица, Курдюмов, Малинецкий 2001.

⁴ См., напр. Hejden 1996.

⁵ Среди зарубежных работ внимания заслуживают, в частности, Brown 1995; Brunk 2002; Ruchards 2003; Plaza i Font, Regis 2006; среди российских — Малинецкий, Курдюмов 2001; Коротав, Малков, Халтурина 2007;

Алгоритмы сценарных разработок

Турчин 2007; Ахременко 2009. Обзор публикаций по использованию данного подхода см. Бородкин 2005.

⁶ Один из возможных алгоритмов представлен в Ахременко 2004.

кумулятивный, однонаправленный характер. Сочетание независимых переменных и их воздействий рождает *интригу сценария*.

Наряду с движущими силами, у сценариев имеются и «триггеры» («спусковые крючки») — малые воздействия, непосредственно провоцирующие нарушение равновесия системы. Различие между «триггерами» и «драйверами» примерно аналогично различию между поводом к объявлению войны и ее причиной. Влияние «малых причин», неравномерность систем, непропорциональность результатов силе воздействия в настоящее время активно исследуются в рамках изучения нелинейных процессов⁵.

Сценарные разработки отличаются большой вариативностью с точки зрения как этапов исследования, так и их последовательности⁶. В то же время в литературе по аналитическому сценарированию часто выделяют ряд базовых этапов, которые носят как бы «сквозной» характер.

1. «Разгон в будущее из истории», или изучение исторической динамики объекта (системы) и движущих сил (факторов), концентрация которых образует веер альтернативных сценариев. В терминах точек бифуркаций это предполагает анализ предшествующих бифуркаций, являющихся критическими для исследования. В данном случае чрезвычайно важно выявить уже упоминавшиеся неустойчивые состояния, имеющие латентный, скрытый характер.

Основной вопрос данного этапа: каким образом объект исследования (например, конкретная политика) попал из прошлого в настоящее? Обязательным требованием является рассмотрение ближайшего прошлого, еще не потерявшего своей живой объективной связи с настоящим. Речь может идти о событиях десяти-, двадцати- или тридцатилетней давности, то есть о периоде, который актуален для ныне живущих, активных поколений. Но существуют сценарные исследования, которые прослеживают влияние цепи событий или их циклов, имеющих многовековую историю. При этом необходимо учитывать, что по мере углубления в прошлое связь между событиями и явлениями становится менее очевидной.

2. Экспертиза настоящего, то есть изучение нынешнего состояния объекта (системы), его среды, а также тех факторов и игроков, которые определяют его развитие. Этот этап непосредственно вытекает из предыдущего и по форме может быть выполнен в качестве его резюме. Описываются количественные и качественные характеристики, которые демонстрирует объект и его среда в настоящем. Учитывая неопределенность понятия настоящего, эту роль может выполнять конкретный год или период, считающийся актуальным настоящим, — например, завершение второго срока президентства В. Путина, мир после начала военной кампании в Ираке 2003 г. и т.п.

3. *Анализ объективных трендов*, i.e. исследование объективных тенденций, определяющих развитие объекта и его среды. В случае, когда объект исследования — государство, предполагается анализ динамики его населения, военной мощи, экономического потенциала, политического режима, расстановки политических сил, качества жизни, ключевых угроз безопасности, в том числе глобальных проблем и вызовов, актуальных для данного государства, а также иных факторов, определяющих его развитие. В той же логике осуществляется изучение основных акторов и их интересов в контексте обозначенных тенденций.

На этом этапе может достигаться синергетический эффект от сочетания сценарных и прогнозных разработок. Корректность сценариев во многом определяется тем, насколько учтены прогнозы динамики движущих сил как объективных социальных факторов: динамика населения, темпы расходования ресурсов и доступ к ним основных игроков, структура экономики, экономический рост и т.п.

4. *Определение статических картин будущего*, то есть формирование наиболее и наименее желаемых образов будущего, в котором страна либо иной объект исследования достигает максимально или минимально благоприятного положения в условиях существующих тенденций. Подобная нормативность может определяться степенью реализации национальных интересов государства, включая его экономическое развитие, безопасность, внутреннюю стабильность, качество жизни населения, отношения с внешним миром и т.п.

Следует, однако, отметить, что далеко не всегда эти картины могут быть выстроены исключительно в позитивном или негативном ключе. Любое будущее, наряду с определенными возможностями, подразумевает и издержки, и его желательность зависит не только от их соотношения, но и от ценностных представлений составителей сценариев.

5. *Анализ реакций и действий*. Главная задача этого этапа сценарной разработки — смоделировать логически непротиворечивую последовательность шагов тех или иных ключевых акторов, которая приводит к зафиксированным картинкам будущего. Фактически речь идет об объяснении того, почему реализовался именно этот, а не иной сценарий. В случае страновых сценариев подобные шаги могут включать в себя действия глав государств и правительств при том или ином варианте развертывания движущих сил сценариев и реакцию на них других акторов — оппозиции, гражданского общества, иностранных правительств и т.п. На этом этапе обозначаются также возможные точки бифуркации, определяющие развитие событий по описываемым сценариям.

Именно на последних двух этапах происходит собственно разработка сценариев. Преимущественно в них заключен и прикладной ас-

пект сценарирования. Они предполагают выявление альтернативных политических стратегий и анализ их результатов, а следовательно — и попытку выбрать оптимальный путь в условиях существующих тенденций.

В некоторых случаях сценарии создаются отдельными экспертами, опирающимися на собственный опыт и научную интуицию. Но чаще это работа *коллектива* экспертов, различающихся по своим подходам к исследуемой проблеме, исследовательскому опыту и видению будущего. Полученные сценарии представляют собой результат синергетического взаимодействия, когда изначально несовпадающие точки зрения синтезируются в едином исследовательском дизайне. При этом для повышения научной ценности и легитимности исследования работа экспертов должна носить более или менее формализованный характер, то есть строиться вокруг единой матрицы, в которой определен хотя бы предварительный набор наиболее важных (с точки зрения организаторов проекта) независимых переменных. Последующие процедуры сценарирования могут быть самыми разными: глубинные интервью, мозговой штурм или более сложные техники (например, на основе метода Дельфи и др.). И конечно, при разработке сценариев не обойтись без этапа их *оценки и верификации (фальсификации)* профессиональным сообществом и более широкими аудиториями с использованием социологических опросов, фокус-групп и др.

Альтернативные сценарии российского будущего

⁷ Среди основных разработчиков проекта, помимо авторов данной статьи, И.М.Бусыгина и М.Г.Мироноук. На различных стадиях проекта в нем участвовали М.В.Ильин, О.Н.Барабанов, В.В.Лапкин, В.В.Пантин и др.

Сценарный подход лег в основу исследовательского проекта, иницированного общественно-образовательным фондом «ИНО-Центр» при участии МГИМО(У) и ряда региональных российских университетов, в том числе РГУ им. И.Канта (Калининград), а также Дальневосточного, Томского, Уральского, Иркутского, Воронежского и Саратовского госуниверситетов. С 2009 г. в проекте участвует ГУ—ВШЭ. В рамках проекта на базе серии экспертных семинаров были разработаны четыре альтернативных сценария российского будущего в 2020 г. с учетом вариантов внутреннего развития и динамики международной среды⁷.

Методология построения сценариев предполагала выявление ключевых международных и внутривнутриполитических независимых переменных и альтернативных вариантов их влияния на будущее страны. У каждого из этих сценариев своя интрига и свои мотивы. Условно говоря, это «увеличительные стекла», которые делают предельно выпуклыми некоторые из реально существующих трендов развития России и мира. Смысл их не в строго линейном прогнозировании или предсказывании конкретного будущего, а в аналитическом вычленении спектра его предельных вариантов. Но вариантов не абстрактно-умозрительных, а опирающихся на конкретные проблемы сегодняшнего дня и вызовы, исторически свойственные стране. Среди таких проблем-вызовов — влияние внешней среды, варианты российской социально-эко-

номической и политической модернизации, качество политического режима, а также территориальная структура, включая уровни централизации и типы отношений между центром и регионами. В результате проведенной работы были сформулированы следующие альтернативные сценарии будущего России в 2020 г.

Сценарий 1: «Кремлевский гамбит». В мире продолжается экономический рост, сохраняются высокие цены на нефть. Страны «семерки» остаются в числе ведущих экономик мира. Динамично развиваются Бразилия, Россия, Индия и особенно Китай. Их доля в мировом ВВП резко увеличилась. Глобализация набирает силу, но при этом растет многообразие экономических и политических укладов и систем. Раскол между богатыми и бедными странами углубляется.

В мире сохраняется значительный конфликтный потенциал — борьба за доступ к энергоресурсам, «черные дыры» в Афганистане и Ираке, конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, иранский и северо-корейский «тупики», новые конфликты в Закавказье и Средней Азии, исламский радикализм, международный терроризм, наркомафия и др. Нет прогресса в контроле над вооружениями. Но вероятность конфликтов глобального масштаба минимальна — конкурируя друг с другом, ключевые мировые игроки вместе с тем избегают резкого обострения отношений.

Похолодание в отношениях США и ЕС с Россией не привело к новой холодной войне, хотя продолжается критика внутренней и внешней политики РФ, ее стратегии «энергетической сверхдержавы».

В мире Россия выступает самостоятельным центром силы. Основа российского международного влияния — экспорт энергоресурсов и вооружений, модернизация армии, прагматичная дипломатия с упором на собственные интересы. Интеграция в международные институты (прежде всего в ВТО) прошла на выгодных для страны условиях.

Достичь этого России удалось благодаря политическому курсу, сохраняющему преимущество в экономике, внутренней и внешней политике и опирающемуся на поддержку общества. В экономической сфере государство определяет ключевые стратегии развития и распределяет инвестиции. Основа продолжающегося экономического роста — энергетика. В отношениях между государством и бизнесом доминирует государство. Оно контролирует энергетический сектор и приоритетные отрасли — ВПК, машиностроение, транспорт.

«Правила игры» во внутренней политике определяет тоже государство. В системе «суверенной демократии» доминирует исполнительная власть. У политической оппозиции нет ни ресурсов, ни общественной поддержки. Общество удовлетворено экономическим подъемом и ростом благосостояния, интерес к политике минимален. Федеральный центр практически полностью контролирует ситуацию в регионах.

Главный приоритет государства — ускоренная модернизация стратегических отраслей экономики, рост благосостояния и укрепление

позиций России в мире. *На шахматном языке это своего рода «гамбит», то есть ограничение политической и экономической конкуренции в стране ради достижения стратегической цели — модернизации России.*

Сценарий 2: «Крепость Россия». Ситуация в мире очень нестабильная и напряженная. Влияние международного права и международных организаций резко ослабло. Фактор силы играет решающую роль в международных отношениях. Развернулась новая гонка вооружений. Распространяется оружие массового уничтожения.

Россия фактически оказалась во враждебном окружении. Вдоль ее границ сложилась «дуга» реальных, тлеющих и потенциальных вооруженных конфликтов. США и ЕС оставили надежды на то, что смогут влиять на развитие РФ в нужном для себя направлении, и, решив, что «Россия потеряна», вернулись к политике «холодной войны» и «сдерживания». Они ставят всевозможные барьеры на пути российского бизнеса, идет жесткая борьба за энергоресурсы и каналы их доставки. Цены на нефть скачут, что очень невыгодно для России.

Украина и Грузия вступили в НАТО, на очереди — другие российские соседи. Американская система ПРО развернута у границ РФ. Россия наращивает военное присутствие в Абхазии и Южной Осетии. Сложился реальный союз России и Белоруссии. В Средней Азии пылают старые и новые очаги гражданской войны. США, ЕС и новые игроки — Китай, Иран, Турция и т.д. — пытаются поделить между собой Евразию. Россия — «в глухой обороне».

В мире много других конфликтов. Идет борьба между старыми (США, ЕС, Япония) и новыми (Китай, Индия и др.) центрами экономической мощи за энергетические и иные ресурсы. Помимо Ближнего Востока, центры глобальной нестабильности появились в «полевешей» части Латинской Америки, в Индонезии и Пакистане. Россия не участвует в этих конфликтах активно, но стремится использовать их в своих интересах.

Враждебное отношение Запада к России привело к оттоку капиталов, прекращению иностранных инвестиций. Резко возросли расходы на оборону. Приходится «затягивать пояса» — сокращается потребительский сектор, падают доходы, растут налоги. Все это, с учетом нестабильных цен на нефть и активного сопротивления энергетической политике РФ, значительно осложнило решение задач российской модернизации. Государство вынуждено мобилизовать все ресурсы для отпора внешним вызовам и угрозам, ради сохранения суверенитета, независимости и территориальной целостности. Блок «силовики» определяет и внутривнутриполитические «правила игры». Политической оппозиции не существует. Произошла национализация компаний в ключевых отраслях экономики — топливно-энергетическом комплексе, машиностроении, транспорте. Резко растет ВПК, но одновременно растет и инфляция. В отношениях с регионами федеральный центр полностью доминирует.

Страна должна сплотиться, чтобы противостоять внешним угрозам, даже если это ограничивает некоторые индивидуальные права и свободы. Россия балансирует между мировыми центрами силы, возвышаясь как «крепость» над опасным «океаном хаоса».

Сценарий 3: «Российская мозаика». В мире развивается глобализация по западной модели. Страны-лидеры (США, члены ЕС, Япония) задают экономические, технологические и социально-политические стандарты, к которым тянутся все остальные. Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, Южная Корея, Индонезия, Турция, Таиланд и другие новые игроки сохраняют национальную специфику, но в целом идут вслед за Западом.

Мировая экономика устойчиво растет. Цены на нефть относительно низкие благодаря новым технологиям. Международные институты и организации (от ВТО до НАТО, ПАСЕ и ОБСЕ) определяют «правила игры» в мире. Международные конфликты не исчезли, но в целом находятся под контролем. «Государства-изгои» и такие несистемные силы, как международный терроризм, исламский радикализм, наркомания и международная преступность, вытеснены на мировую периферию.

Россия в новой международной системе играет по правилам, которые была вынуждена принять. Она интегрирована в международные институты и вошла в состав западного сообщества — правда, не всегда на выгодных для себя условиях. Но она стала открытой страной; в нее поступают масштабные зарубежные инвестиции и кредиты; растет благосостояние наиболее активной части населения и регионов, в наибольшей степени включенных в международное разделение труда. Однако продолжается и вывоз капиталов, утечка мозгов. Происходит децентрализация и суверенизация российских регионов. Регионы все в большей степени сами определяют стратегии своего развития, свою политику и правила, по которым живут. Одни, преимущественно дотационные регионы, сохраняют ориентацию на федеральный центр, другие опираются на собственные силы или поддержку партнеров извне. Между регионами усиливается конкуренция. Москва в нее не вмешивается.

Государство больше не доминирует: и людям, и регионам предоставлен шанс жить так, «как им лучше». Растут коррупция и разрыв в доходах, но для активных и успешных открылись большие возможности.

Государственный сектор и государственное регулирование в экономике незначительны. Осуществлена масштабная программа приватизации и реприватизации отраслей, которые были фактически национализированы в первом десятилетии XXI в. (энергетика, транспорт и др.). Преимущества для ускоренного развития получают столичные и портовые города, регионы, богатые ресурсами, некоторые приграничные области.

Россия становится все более «мозаичной» и децентрализованной. Это вполне устраивает как внешний мир, так и наиболее ак-

тивные и успешные регионы, которые могут максимально воспользоваться своими преимуществами.

Сценарий 4: «Новая мечта». Устойчивый рост мировой экономики обеспечивают прежде всего высокие технологии. Потребность в энергоресурсах высока, однако цены на нефть постепенно снижаются. Сохраняется разрыв между «Севером» и «Югом», но мировое сообщество посредством ООН и других международных организаций стремится добиться устойчивого развития, смягчить неравенство, урегулировать конфликты, обеспечить мир.

После успешной реформы ООН укрепилось международное право. Фактор силы в международных отношениях не является решающим. Международные полицейские силы под эгидой ООН контролируют зоны наиболее опасных региональных конфликтов (на Ближнем Востоке, в Средней и Центральной Азии, в Закавказье и т.п.). Новые центры экономической мощи (прежде всего Китай, но также Индия, Бразилия, ЮАР и др.) встроены в международное разделение труда. Устойчивое развитие, экология, здравоохранение, образование стали признанными международными приоритетами.

Россия — полноправный член современного мирового сообщества. ООН, а не НАТО определяет «правила игры» в мире. Конфликты вдоль российских границ так или иначе урегулированы. Но влияние на постсоветском пространстве ей приходится делить с другими игроками.

У России наконец-то появилась возможность сосредоточиться на внутренней модернизации. Снижение цен на нефть заставляет искать интенсивные пути развития, повышать производительность труда, инвестировать в высокие технологии и человеческий капитал. «Российский прорыв» — лозунг нового поколения политиков в стране. К власти пришла политическая коалиция, которая не помнит советской власти и не участвовала в «дележе» и коррупции 1990-х годов. Ее поддерживает молодая и наиболее активная часть населения.

В новую коалицию вошли молодые технократы с опытом работы в частном бизнесе, предприниматели из высокотехнологических отраслей и сферы услуг, представители гражданского общества, молодые и успешные политики и деловые люди из российских регионов, стремящиеся и готовые жить по-новому.

В государственном управлении наводится порядок, закон стал не «диктатурой», а правилом жизни, и не все к этому готовы. Приходится платить все налоги. Ликвидированы излишние бюрократические препоны для предпринимательской деятельности. В России впервые за ее историю возник влиятельный средний класс. Но разрыв между богатыми и бедными сохраняется. За медицину, образование, жилье тоже нужно платить самим, хотя есть система социального страхования и доступные кредиты. Личный успех — в твоих собственных руках.

Новое активное поколение России заинтересовано в открытой политической и экономической конкуренции. Это ее «новая мечта», которая постепенно становится реальностью.

* * *

⁸ Подробнее см. Мельвил, Тимофеев 2008.

⁹ Хотя эти сценарии были разработаны в начале 2008 г., когда фактор мирового финансового и экономического кризиса и его последствия еще не проявились в полной мере, мы полагаем, что их базовые параметры определяются долговременными и относительно ус-

Четыре альтернативных сценария в зеркале фокус-групп

тойчивыми к колебаниям независимыми переменными, задающими возможные «предельные» альтернативы траекторий российского развития.

¹⁰ Фокус-группы проводились в Москве компанией «Баширова и партнеры» на основе совместно разработанного вопросника и «гайда».

В основе каждого альтернативного сценария — своя интрига и свое «предельное» сочетание «драйверов», отражающих возможные ключевые бифуркации в российском и международном развитии⁸. «Кремлевский гамбит», по сути, воплощает многие установки кремлевского «Плана 2020», при этом главная его интрига — в доведенном до крайности «размене» политической и экономической конкуренции на решение стратегической задачи модернизации «сверху» и укрепления международной роли России. В сценарии «Крепость Россия» доведены до предела периодически возрождающиеся (и сознательно возрождаемые) параноидальные страхи по поводу не только реальных, но и гипотетических внешних угроз. В качестве единственно возможного ответа на них предложена максимальная мобилизация всех ресурсов, включая человеческие, и «сплочение под флагом» для противостояния внешним и внутренним врагам. «Российская мозаика» воплощает сохраняющиеся в нашем обществе и политическом классе опасения относительно возрождения центробежных тенденций 1990-х годов, эрозии государственности и роста подверженности воздействиям извне. В «Новой мечте» представлен идеальный вариант либерального сценария для России, который, несмотря на иные тенденции последнего десятилетия, все же существует, пусть и на обочине отечественного политического поля.

Первый этап. Описанные выше сценарии могут (и должны) быть предметом дальнейших экспертных обсуждений с целью их уточнения и адаптации к неизбежно меняющемуся внутреннему и международному контексту⁹. Вместе с тем крайне важно понять, как эти сценарии воспринимаются «простыми» гражданами, насколько они «узнаются» общественным сознанием, какие из предложенных «предельных» альтернатив российского развития кажутся нашим соотечественникам наиболее вероятными, а какие — наиболее желательными.

Для ответа на эти вопросы в рамках нашего проекта весной 2008 г. была проведена серия фокус-групп с участием представителей электората прошедших в Государственную Думу партий («Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР)¹⁰. В своем исследовании мы исходили из гипотезы о наличии существенной зависимости между оценками вероятности и желательности того или иного сценария и партийными предпочтениями респондентов. Однако результаты исследования опровергли эту гипотезу, показав, что *партийные предпочтения почти не влияют на восприятие альтернативных сценариев российского будущего*.

По критерию вероятности исполнения — от наиболее до наименее вероятного — практически все респонденты (за совсем незначительны-

ми исключениями) ранжировали сценарии следующим образом: «Кремлевский гамбит» — «Российская мозаика» — «Крепость Россия» — «Новая мечта». Понятно: вариант «Гамбита» — это почти буквальная, хотя и доведенная до предела проекция нынешней ситуации в будущее. Власть будет воспроизводить себя в нынешнем (или близком к тому) формате — так считают российские граждане. «Мозаика» воспринимается как относительно вероятная, видимо, потому, что распада страны и государственности боятся больше всего. Вариант «Крепости» не исключается по причине существующей у нас и к тому же намеренно поддерживаемой склонности воспринимать окружающий мир как враждебный, только и злоумышляющий против России. «Мечта» как идеал остается чем-то очень отдаленным.

Но вот по критерию желательности — от наиболее до наименее желательного — оценки распределились совсем иначе: «Новая мечта» — «Кремлевский гамбит» — «Крепость Россия» — «Российская мозаика». Этот результат был для нас неожиданным: *фактически либеральная по своему содержанию альтернатива российского будущего воспринимается как наиболее желательная*, при том что сам либерализм, даже в его зародышевом виде, категорически отвергается не только правящим классом, но и, судя по данным социологических опросов, общественным мнением. Очевидно, что этот результат требовал проверки.

Среди других результатов исследования следует отметить довольно слабые идеологические различия между представителями партийного электората и социально-демографических групп по вопросам, касающимся политической и экономической конкуренции в стране, демократии как ценностной нормы и политической практики, положения России на мировой арене, роли государства в экономике и др. Но едва ли не главный (применительно к замыслу нашего проекта) вывод, полученный в ходе первого этапа тестирования альтернативных сценариев российского будущего в формате фокус-групп, заключается все же в том, что предложенные сценарии отлично «узнаются» респондентами и воспринимаются ими не как умозрительные конструкции, а как *реальные развилки и векторы возможных траекторий развития России*, условия для которых коренятся непосредственно в нашем настоящем¹¹.

¹¹ Подробнее см. Мельвиль, Тимофеев 2008.

Второй этап. Мы отлично осознаем, что предпринятое в 2008 г. тестирование альтернативных сценариев российского будущего имеет слабые места. Это, в первую очередь, сам метод фокус-групп, ориентированный на детализацию внутренних мотивов и предпочтений, достигаемую в ходе коллективного углубленного интервью, но ограниченную по репрезентативности и практически исключающую количественный анализ. Это, далее, локализация проведенных фокус-групп — логично ожидать, что региональные предпочтения относительно вариантов будущего развития могут (и должны?) отличаться. Да и сама выборка — электорат прошедших в ГД партий — вряд ли может, при всей ее поли-

тической репрезентативности, претендовать на покрытие абсолютно всего пространства политических ориентаций и предпочтений российских граждан. Наконец, форс-мажорный фактор — мировой кризис с его глобальными и внутриполитическими последствиями, который предположительно мог внести свои коррективы в восприятие альтернативных сценариев будущего России.

Чтобы снять хотя бы часть этих проблем и еще раз проверить достоверность наших сценарных альтернатив применительно к нынешней ситуации в России и мире, в самом конце 2009 г. мы провели дополнительное исследование — в том же формате фокус-групп, но на этот раз не только в Москве, но и в столицах пяти очень разных российских регионов (Екатеринбурге, Воронеже, Калининграде, Новгороде и Иркутске)¹². Кроме того, была проведена отдельная фокус-группа с участием совсем иной категории респондентов: студентов двух престижных московских вузов — ГУ—ВШЭ и МГИМО(У).

Приступая к новому этапу работы, мы исходили из следующих рабочих гипотез:

- электоральные предпочтения почти не влияют на восприятие респондентами альтернативных сценариев российского будущего (один из выводов первого этапа исследования);
- региональные отличия могут играть существенную роль при оценке желательности тех или иных сценариев (с учетом таких факторов, как, скажем, анклавное положение региона или желание поддерживать сосредоточенные там предприятия ВПК);
- фактор кризиса и его социально-экономические последствия внутри страны могли повлиять на оценку респондентами текущей ситуации в России и ее перспектив, в том числе альтернатив будущего развития.

Повторим, что нашей главной задачей было удостовериться в том, что предложенные четыре альтернативных сценария российского будущего воспринимаются респондентами не в качестве неких абстракций, а как возможные траектории развития страны.

Какие же результаты мы получили?

¹² На региональном уровне новое исследование осуществлялось силами местных университетов после специального тренинга на базе компании «Баширова и партнеры», по-прежнему выступавшей в роли координатора проекта. Как и на первом этапе, респонденты отбирались из электората ЕР, СР, КПРФ и ЛДПР.

Оценки настоящего: между доминантами «негатива» и патерналистскими ожиданиями

Применительно к нынешнему положению дел в стране практически во всех фокус-группах, как и полтора года назад, доминируют *негативные, критические оценки*. В каких-то отношениях они стали даже более резкими — очевидно, под влиянием экономического кризиса и иных событий во внутренней жизни. Вместе с тем ощущение общего кризиса связано не столько с конъюнктурными моментами, сколько с восприятием долгосрочных тенденций. Прежде всего, наши респонденты не хотят быть гражданами «сырьевого придатка» — страны, чье благосостояние базируется на экспорте энергоресурсов.

— *Пока мы сидим на нефтяной игле — ничего не получится* (КПРФ).

— *Вряд ли за счет природных ресурсов мы сможем существовать* (ЛДПР).

— *Если не двумя словами, а шире посмотреть на этот вопрос, я считаю, что в нашей стране реформа протекает сейчас однобоко. И пока мы не станем страной-производителем, будем только что-то продавать, перепродавать, мы не будем стабильно жить* (СР).

В качестве «petrostate» Россия лишена амбиций и неспособна к инновационному прорыву в будущее, уверены участники фокус-групп. При этом они считают, что сырьевой статус страны выгоден существующей элите, а значит, она не заинтересована в реальной модернизации и проведении эффективных реформ.

— *Может быть, улучшится благосостояние страны, возрастает казна за счет торговли энергоресурсами, а вот благосостояние граждан вряд ли улучшится* (КПРФ).

Государство, в представлении участников фокус-групп, своих функций не выполняет, между государством и обществом растет отчуждение и разрыв. Люди ощущают себя беззащитными.

— *У нас человек, к большому сожалению, не чувствует себя защищенным. Практически во всех моментах: начиная от простого быта, когда он связывается с какими-то властными структурами, той же милицией* (СР).

— *Вообще непонятно, к чему мы идем, честно говоря, потому что такое отношение к народу, к населению, что мне кажется, не ценят нас вообще вышестоящие, потому что не хотят нам помочь чем-то* (ЛДПР).

— *Мы получили свободу слова... Но, как говорится, никто не говорил, что они будут нас слушать* (ЕР).

— *Свободу слова мы действительно получили, но подкрепить эти слова нам, простите, нечем. Потому что свободный человек — это независимый человек, а мы, к сожалению, не просто не независимы, мы очень зависимы* (КПРФ).

Поддержка status quo обусловлена прежде всего опасением, как бы завтра не стало хуже. Это своего рода *социальный, а не политический консерватизм*, в основе которого — традиционное *патерналистское* отношение к государству. Государством категорически недовольны, считают, что оно не выполняет своих социальных обязанностей, но при этом ждут помощи именно от него. Для большинства государство — это решение всех проблем, защитник и заступник. Такие настроения близки чуть ли не к фатализму: что бы человек ни делал, все решают власти.

— *Все зависит от власти. Кто придет к власти. Как поведет, такие перспективы и будут. То есть, кто будет управлять нами, нашим государством, такие будут и перспективы* (ЛДПР).

Материалы проведенных фокус-групп с достаточной определенностью вскрывают *запрос на качественные и эффективные государственные институты*, в первую очередь социального характера.

— *Пока у нас не будет решен вопрос с социальной защитой населения, мы ничего не решим* (КПРФ).

В том же контексте отчетливо звучит ностальгия по советской системе социального обеспечения, прежде всего по бесплатному здравоохранению и образованию, гарантированному трудоустройству. Понятно, что подобные настроения в большей степени характерны для старших возрастных групп. Но это вовсе не идеализация прошлого: никто не хочет «назад в СССР», хотя бесплатных социальных услуг и гарантий, и не таких, как раньше, а улучшенных. И никто даже не думает отказываться от новоприобретенных прав и свобод, в том числе от неведомых ранее благ потребительского индивидуализма (кстати, именно в этом — одна из причин категорического неприятия сценария «Крепость Россия»).

Парадоксальным образом на фоне массовых патерналистских настроений прослеживаются пока еще немногочисленные очаги иного отношения к текущим жизненным проблемам. Люди готовы *приспособиться* к существующим проблемам, адаптироваться к трудностям, *жить с опорой на собственные силы*. «Жить можно!» — как бы говорят они тем, кто уверен, что «ничего сделать нельзя». Во многих региональных фокус-группах отчетливо звучал мотив «*малых дел*». Нужно привести в порядок себя, свое окружение, те вещи, на которые может влиять конкретный человек. У этого импульса — негативный мотив: недоверие к государству, ожидание подвоха. Но это и важный компенсаторный механизм, который помогает респондентам преодолеть стресс и отчужденность, увидеть выход из сложной ситуации для себя лично.

— *Вот зайдешь в деревню, ну даже если бедность, ну, как я рассуждаю, можно забор восстановить, покрасить, окошечки покрасить, траву выкосить. Как-то вот ну даже себя, как-то вот себя привести, как-то поднять, ну, постоянно. Постоянно малым, малым, малым...* (СР).

— *Просто у нас, видите, менталитет, видите, как-то вот люди ... ну, вот как-то вот не работают люди* (СР).

— *Каждый должен что-то внести — ходить на выборы, выполнять свои обязанности* (КПРФ).

Ясно и другое: продолжая апеллировать к государству, ожидая от него выполнения (и качественного!) своих социальных функций, наши респонденты категорически не верят, что искомым социальным благам удастся добиться за счет простого повышения роли государства. Наоборот, они в основном *страшатся усиления власти*, полагая, что это повлечет за собой еще большие злоупотребления, коррупцию, произвол, игнорирование запросов общества. Результатом повышения роли государства будет ухудшение сегодняшней ситуации, а не модернизационный прорыв. Интересно, что подобное положение вещей связывается скорее с изъянами государственных институтов, чем со злой волей политических лидеров. Иными словами, ощущение глубокой отчужден-

ности от нерасчлененного образа власти как таковой соседствует с персональной поддержкой властей предрежащих.

— *Режим слишком жесткий, необоснованно жесткий. ... Для развития России это не нужно. Это мешает* (ЛДПР).

— *Если сказать в двух словах, считаю что политика государства, которую сейчас проводит Путин, Медведев, — это правильная политика* (ЛДПР).

Не может не обратить на себя внимание и следующее обстоятельство. При всем недоверии к институтам власти респонденты предельно неравнодушны к государству *per se* — прежде всего к его внутренней целостности и статусу на международной арене. Отчужденность от власти сосуществует с острым чувством *патриотизма*, но без явного националистического или неоимперского привкуса. Участники фокус-групп, в том числе даже сторонники «малых дел» и опоры на собственные силы, не мыслят себя вне государства. Его ослабление или (не дай Бог!) распад, по их мнению, обесценит личные достижения, сделает жизнь бессмысленной. Однако долгожданное укрепление позиций России на международной арене вовсе не должно сопровождаться усилением «жесткости» и «закрытости» внутри. Напротив, именно закрытая и неподконтрольная элита может привести Россию к изоляции либо к распаду государственности.

**Российские
альтернативы —
вероятные
и желательные**

Описанная выше матрица общих оценок российского настоящего в значительной мере определяет особенности восприятия респондентами предложенных альтернативных сценариев российского будущего. Одним из принципиально важных результатов нового этапа исследования можно считать подтверждение на материале региональных фокус-групп общей логики (как и интересных нюансов) восприятия вероятности и желательности сценариев российских альтернатив, первоначально выявленной среди московских респондентов.

Вариант «Кремлевского гамбита» по-прежнему расценивается как *наиболее вероятный, но неперспективный* (если не тупиковый), не способный решить нынешние проблемы и дать ответ на актуальные и грядущие вызовы. Это просто проекция текущих (скорее даже докризисных) трендов в будущее, четко ассоциируемая с «планом власти», основанным на сырьевой экономике и лишенным динамизма. Это сценарий упущенных возможностей.

— *Опять колосс на глиняных ногах будет... это вот как бы все сильно. Только вот непонятно, что это все только за счет этих вот ресурсов. Но это надо менять, чтобы такого развития не было* (СР).

— *Здесь при нашем народе, наших ресурсах можно сделать скачок, а мы вот никак, вот никак и чуть-чуть. Поэтому, с одной стороны, мы ничего не теряем, якобы, понимаете, ничего не теряем, но по большому счету ничего не приобретаем, понимаете* (СР).

— Я скорее не соглашусь с этим сценарием. Лучше пускай будет что-нибудь познергичнее, повеселее (ЕР).

— Это сценарий современного, сейчас это и есть, а за десять лет очень хочется, чтобы какой-то шаг вперед... (КПРФ).

Ключевая для этого сценария идея гарантированного благосостояния через зажим политической и экономической конкуренции пользуется все меньшей поддержкой. Некоторые участники фокус-групп отметили, что такой зажим может стать причиной соскальзывания из «Гамбита» в «Крепость».

— Такие вещи, как низкий интерес людей к политике, да вообще и низкий уровень возможностей как-то повлиять и составить какую-то оппозицию, на самом деле ничего хорошего в этом нет (ЕР).

— Усиленно насаждается и реализуется этот прогноз. Посмотрите, оппозиционных партий нет, хороших партий. Они есть, ну это же, скажем... которые реальную силу представляют партии, их быстро задвинули (ЕР).

— Государство пытается под себя промять и промышленность, и банковскую систему, и все на свете. Монополия. И на власть, и на бизнес (ЕР).

При этом доходы от продажи энергоносителей вовсе не воспринимаются в качестве гарантии повышения благосостояния граждан. Респонденты сомневаются, что высокие нефтегазовые доходы будут распределены в их пользу.

— Рост благосостояния в нездоровой обстановке (ЕР).

— Понравилось, что будет работать исполнительная власть, она, может быть, хотя бы что-то будет делать. Понравилось благосостояние. Все люди будут лучше жить, хотя и не знаю, за счет чего (ЛДПР).

Этот сценарий не вызывает явно выраженного протеста, но жизнь в ситуации «Кремлевского гамбита» мало кого привлекает.

Сценарий «Крепость Россия», как и на первом этапе исследования, воспринимается крайне негативно. Респонденты не хотят ни «холодной», ни «горячей» войны, им претит насильственная мобилизация и очередное затягивание поясов. Многие полагают, что в настоящее время этот сценарий «не пройдет», ибо граждане не допустят его реализации. Но сам сценарий в глазах участников фокус-групп не выглядит надуманным, он возможен, хотя и нежелателен. Отчасти это объясняется распространенным отношением к внешнему миру как к источнику угроз для России.

— Им невыгодна сильная Россия, мы им сильные не нужны. Поэтому что они не будут получать то, что они хотят (СР).

— Сейчас все настраиваются против России. Все пытаются оторвать от нас какой-нибудь лакомый кусок (ЛДПР).

— Они хотят Россию слабой сделать. Им выгодно Россию сделать слабой (КПРФ).

Описанная в сценарии ситуация практически отождествляется с эпохой «холодной войны» — с поправкой на то, что у России нет тех ресурсов, которые были в свое время у СССР.

— *Нормальные сталинские времена* (ЛДПР).

— *У нас раньше был развит военно-промышленный комплекс. Были военные заводы, а сейчас на них выпускают лопаты, крышки консервные, чашки, ложки* (СР).

Как и прежде, респондентам импонирует национальное сплочение перед лицом внешних угроз, однако они отнюдь не готовы платить за него собственным благосостоянием и новыми правами и свободами. Более того, сама вероятность национального сплочения для борьбы с внешними врагами вызывает у них сомнения.

— *Все вещи там будут проистекать за счет ущемления свободы совести и прочего, за счет просто личных свобод* (КПРФ).

— *Затягивают пояс тогда, когда вообще ничего не платят* (ЛДПР).

— *Сейчас не будет лозунга «За Родину! За Сталина!». Сейчас все разбегутся... Те, кто владеет этими богатствами нашими и способен что-то сделать, они все капиталы свои за границу* (КПРФ).

— *Потому что сейчас уже не те времена, как было раньше, еще при СССР. В те времена люди боялись всего чего-то. Сейчас народ не даст этого. Просто начнутся массовые выступления. Лидеры партий начнут поднимать народ. Потому что невозможно. Это получается, что все средства будут отданы на вооружение. Это будет давить на народ. Мне кажется — нет. Это невозможно, просто такого не может быть. Не дадут, просто сейчас народ совсем другой стал. Молчать не будут* (ЛДПР).

Еще большее отторжение, как и раньше, вызывает сценарий «Российская мозаика». Региональная вольница воспринимается крайне негативно представителями даже тех российских регионов, которым — в силу их географического расположения, приграничных связей и т.п. — она (предположительно) сулит определенные выгоды. Логика этого сценария — распад единого централизованного государства и зависимость от внешнего мира, чего допустить не желает никто.

— *Впечатление, как будто мы в рабстве* (КПРФ).

— *Ассоциация со временем смуты* (ЛДПР).

— *Коррупция* (КПРФ).

— *Зависимость от Запада* (ЕР).

Справедливости ради надо сказать, что в отдельных фокус-группах звучали голоса, обращавшие внимание и на те новые возможности для регионального и индивидуального развития, которые открывает подобный вариант российского будущего. Собственно, эта мысль и лежала в основе данного сценария.

— *Эту ситуацию можно развернуть и взглянуть на нее как на поиск новых возможностей, поиск чего-то нового, на чем можно за-*

работать. <...> Каждый регион будет сам решать, где ему строить и что ему строить... (ЛДПР).

— Свобода предоставлена. Могут построить, например, новый завод... (ЛДПР).

— Можем добавить еще, что произойдет улучшение качества жизни... так как есть работа, есть и шансы на успех (ЛДПР).

Но в целом эти возможности несопоставимы с ценой такого развития событий. Социальный дарвинизм «Российской мозаики», утрата всех социальных гарантий в сочетании с эрозией национального единства и государственной целостности, распадом страны ассоциируются с 1990-ми годами. Сценарий *возможный, но неприемлемый*.

— По этому сценарию будут выигрывать предприимчивые и активные, а что делать остальным? Допустим, если активные выигрывают, то они растащат Россию на куски, а что же делать тем, кто живет в этих кусках и кто не такой предприимчивый? (КПРФ).

Как и в 2008 г., сценарий «Новая мечта» представляется нашим респондентам, почти без исключений, *наилучшей*, но, увы, *практически невероятной альтернативой* российского развития. По их мнению, этого не будет ни в 2020 г., ни в 2050 г.

— Как цель — хорошо. Точно не через десять лет (ЕР).

— Благостная мечта (СР).

Респондентам особенно импонирует власть закона, очерчивающая правила игры и придающая общественной системе меритократическую стабильность: можно сохранить то, что заработал. Примечательно, что подобная установка сочетается с настороженным отношением к снижению объема социальных гарантий, четко прослеживающимся в восприятии и иных сценариев российского будущего.

— Мне понравилось именно, что все в твоих руках. Личный успех, то есть я могу реализовать свои возможности, свой труд. Вот именно вот это мне понравилось, что все в моих руках. Только от меня может зависеть, буду я успешна или не буду. Сейчас, например, нельзя этого, как бы сказать, я могу это — все в моих руках. Сейчас не только в моих руках. Вот это мне понравилось (ЛДПР).

— Здесь не написано, что государство гарантирует мне как личности, как гражданину то-то и то-то (ЕР).

Поскольку, как уже говорилось, сценарий «Новая мечта» является *либеральным* по своему содержанию, восприятие его как наиболее привлекательной, хотя и невозможной в ближайшее время альтернативы российского будущего рассматривается нами как очень важный результат исследования, ставящий под вопрос многие стереотипы и оценки общественных настроений в современной России.

Запрос на перемены?

Среди других результатов проведенных фокус-групп следует отметить достаточно четко прослеживаемый двойной общественный запрос: на *прегмественность* и на *перемены* во многих ключевых областях рос-

сийской жизни и политики. Люди по-прежнему жаждут стабильности, что в свое время обеспечило психологический фундамент для возникновения так называемого «путинского большинства», но при этом перестают верить официальной риторике и обещаниям. Подобно олигархам 1990-х годов, нынешний правящий класс, похоже, теряет доверие граждан, которые ждут реальной смены российских элит.

Наши респонденты, независимо от партийных предпочтений и места жительства, озабочены сужением демократического пространства, ухудшением качества демократических институтов, их имитационным характером. Рядовые сторонники КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России» и, как ни парадоксально, «Единой России» говорят о неприемлемости фактической однопартийности и хотели бы, чтобы в стране была эффективная и независимая оппозиция, конструктивно сотрудничающая с властью. В контексте резкого выраженного недовольства существующими институтами возможность оказывать влияние на принятие решений связывается ими с реальной политической конкуренцией и наличием оппозиции.

— *Сейчас человек имеет очень маленький вес, голос. Все делается какой-то одной централизованной властью, не удастся оппозиции развернуться* (ЕР).

— *Одна партия не может представлять интересы абсолютно всех слоев и, так сказать, кругов населения. Невозможно. И если у нас не будет партийной системы... Государство само по себе подразумевает наличие различных партий, различных мнений, различных идей. Естественным образом, в идеале все эти идеи и направленность должна быть на стабилизацию ситуации в стране. Но пока, как говорится, в России все не так просто* (СР).

Демократия России нужна! — заявляют наши респонденты. Но она не должна быть слепым копированием западных образцов. В ее основе — справедливое социальное государство и гарантии индивидуальных прав и свобод. Она — «своя», но и «своя» демократия невозможна без открытой и конкурентной публичной политики. Звучащий в проведенных фокус-группах запрос на перемены созвучен запросу на модернизацию, понимаемую, однако, не только как инновации в технологиях и производстве, но и как раскрытие конкурентного политического пространства.

е Проведенное исследование в целом подтвердило полученные ранее выводы.

1. Предложенные нами альтернативные сценарии «читаются» респондентами (за очень незначительными исключениями) как *совершенно реальные, а не выдуманные или произвольно сконструированные альтернативные траектории будущего развития России*. Ни один из сценариев не отвергается как заведомо

невозможный. При этом приводятся разноплановые и весьма специфические аргументы в пользу реальности каждого сценария.

2. Как и в 2008 г., *наиболее вероятным* в глазах респондентов выглядит сценарий «Кремлевский гамбит», а *наименее вероятным* — «Новая мечта». Полностью воспроизводится и выявленная на первом этапе проведения фокус-групп *иерархия представлений о желательности* сценариев: «Новая мечта» — «Кремлевский гамбит» — «Крепость Россия» — «Российская мозаика».
3. *Электоральные предпочтения* практически не влияют на оценки вероятности и желательности альтернативных сценариев будущего России. Основными осями, по которым проходят размежевания как в восприятии российского настоящего, так и в представлениях о будущем страны, оказываются *социально-демографические факторы* (особенно возраст и образование).

Вместе с тем результаты новых фокус-групп позволили вскрыть целый ряд дополнительных важных обстоятельств. В частности, не получила достаточного подтверждения гипотеза о том, что региональные отличия будут влиять на конкретные оценки вероятности и желательности альтернативных вариантов будущего. Более того, за незначительными исключениями, нам не удалось выявить *скольсо-нибудь существенных различий в оценках* четырех сценариев респондентами из Москвы, Екатеринбурга, Воронежа, Калининграда, Новгорода и Иркутска.

Конечно, дискуссия в каждой группе имела свои особенности. Так, обнаружилось, что московскую группу относительно мало волнуют проблемы политической конкуренции (представители некоторых региональных групп, прежде всего екатеринбургской, высказывались по этой теме значительно активнее). Вопреки ожиданиям, калининградская группа не отдала предпочтения «Мозаике», и крайне важным для нее (как и для новгородской группы) оказался вопрос гражданского участия. Объяснения требует тот факт, что воронежская группа оценила вероятность сценариев «Крепость Россия» и «Новая мечта» ниже, чем другие группы. Бросается в глаза непонимание «Мечты» иркутской группой (при высоком уровне недовольства status quo). Очень порадовали нас московские студенты. Вопреки расхожим представлениям о безразличии студенчества к проблемам страны, мы получили продуктивную дискуссию растущих экспертов. В отличие от остальных групп, студенты восприняли «Гамбит» как маловероятный сценарий, который может реализоваться лишь благодаря везению или шансу. Во многих группах мы увидели людей, которые в состоянии осуществить сценарий «Мечты». Похоже, им нужно только поверить в свои силы. Впрочем, мы не хотели бы абсолютизировать полученные результаты: нельзя исключить, что проведение фокус-групп в других российских регионах (например, на Северном Кавказе, в Татарстане, Башкортостане или на Дальнем Востоке) выявило бы иные специфические нюансы в оценке сценариев развития России.

В то же время, как мы и предполагали, события последних полутора лет *внесли определенные коррективы* в оценки текущего положения в стране и видение ее будущего. Речь идет в первую очередь о влиянии социально-экономического кризиса и некоторых особенностей внутриполитического развития РФ (характер политического режима, предлагаемая им программа развития, его отношение к оппозиции и т.п.). В частности, кризис способствует более критическому отношению к сценарию «Кремлевский гамбит», который отождествляется с текущими тенденциями. Обостряется страх перед перерастанием его в сценарий «Крепость Россия» или «Российская мозаика». Кризис не добавляет веры в реализуемость «Мечты». И все же наши респонденты в целом хотят жить в «Новой мечте», критикуют «Кремлевский гамбит», боятся «Крепости Россия» и отвергают «Российскую мозаику».

Библиография

- Ахременко А.С. 2004. *Политическое прогнозирование: сценарный метод*. — М.
- Ахременко А.С. 2009. Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности // *Полис*. № 3.
- Бородкин Л. 2005. Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // *Международные процессы*. № 1 (7).
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. 2001. *Синергетика и прогнозы будущего*. — М.
- Каспэ С.И. (ред.) 2002. *Общий аршин. Эксперты о будущем России*. — М.
- Качинс Э., Тренин Д. 2004. *Россия: ближайшее десятилетие*. — М.
- Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. 2007. *Законы истории: Математическое моделирование развития мир-системы. Демография, экономика, культура*. — М.
- Малинецкий Г.Г. 2002. Хаос // *Структуры. Вычислительный эксперимент. Введение в нелинейную динамику*. — М.
- Малинецкий Г.Г., Курдюмов С.П. 2001. Нелинейная динамика и проблемы прогноза // *Вестник РАН*. Т. 71. № 3.
- Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н. 2008. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // *Полис*. № 4.
- Россия и мир в 2020 году. 2005. — М.
- Сатаров Г., Благовещенский Ю., Благовещенский Н. 2005. *Что будет с Россией? Политические сценарии до 2008 года*. Аналитический доклад ИНДЕМ (<http://www.indem.ru/satarov/KrRoss2008.htm>).
- Турчин П.В. 2007. *Историческая динамика: На пути к теоретической истории*. — М.
- Wagon S. 1995. *Serpents in the Sand: Essays on the Nonlinear Nature of Politics and Human Destiny*. — Ann Arbor.

- Brunk G.** 2002. Why Do Societies Collapse? A Theory Based on Self-Organized Criticality // *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 14, № 2.
- China** 2020. 2009 // *CGA Scenarios*. Center for Global Affairs. New York University. Winter.
- Global Trends 2015: A Dialogue about the Future with Nongovernment Experts.** 2000 // *NIC*. Dec.
- Global Trends 2025: A Transformed World.** 2008 // *NIC*. Nov.
- Hejden K. van der.** 1996. *Scenarios: The Art of Strategic Conversation*. — Chichester.
- Horelick A.L.** 1991. *The Future of the Soviet Union: What is the Western Interest?* (http://rand.org/pubs/occasional_papers-soviet).
- Lindgren M., Bandhold H.** 2003. *Scenario Planning: The Link between Future and Strategy*. — N.Y.
- Ogilvy J.A.** 2003. *Creating Better Futures: Scenario Planning As a Tool for a Better Tomorrow*. — N.Y.
- Plaza i Font J.P.P., Regis D.** 2006. *Chaos Theory and its Application in Political Science*. IPSA-AISP Congress Working Papers, Fukuoka, 9—13 July (http://www.sciencespo.site.ulb.ac.be/dossiers_membres/dandoy-regis/fichiers/dandoy-regis-publication18.pdf).
- Rychards D. (ed.)** 2003. *Political Complexity. Nonlinear Models of Politics*. — An Arbor.
- Veer J. van der (ed.)** 2005. *Shell Global Scenarios to 2025*. — Hague.
- Yergin D., Gustafson Th.** 1995. *Russia 2010: And What It Means for the World*. — N.Y.